

ЛЕСИ ФИЛЕБЕРТ

УКРОТИ МЕНЯ,
ИЛИ
ГРАНИ ВОЗРОЖДЕНИЯ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ф52

Серийное оформление — *Василий Половцев*

Иллюстрация на обложке — *Ирина Круглова*

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Филеберт, Леси.

Ф52 Укроти меня, или Грани возрождения : [роман] / Леси Филеберт. — Москва : Издательство АСТ, 2025. — 448 с. — (Волшебная академия).

ISBN 978-5-17-149375-2

Продолжение романа «Укроти меня, или Грани раскола».

Моя жизнь висит на волоске, воссоединение с любимым человеком кажется невыполнимой миссией, но ничто не способно сломить мой боевой дух. Как вырваться из плена и добраться до Теневой пелены? Как справиться с поглощающей тьмой и отличить правду от лжи? Мир расколот и погружён в хаос, враг не дремлет и пускает в ход свои щупальца тьмы... Кто ты, человек-тень, и как тебя победить?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-149375-2

© Л. Филеберт, 2025
© ООО «Издательство АСТ», 2025

ГЛАВА 1

СЛЕДУЙ ЗА МНОЙ

«Темный Властелин или случайная жертва?», «Кто остановит монстра?», «Чудовище не дремлет...», «Как долго Генеральный Штаб будет позволять Повелителю Хаоса собирать армию?» — газеты пестрили заголовками в подобном стиле, и я раздраженно смяла вчерашний выпуск «Ежедневных известий» и кинула себе под ноги. Тяжело вздохнула и уронила лицо в ладони, медленно вдыхая и выдыхая в ритме дыхательной гимнастики.

Монстр, Темный Властелин, Повелитель Хаоса — именно так называли журналисты Калипсо. Моего Калипсо, с которым, черт возьми, мы не виделись почти год с того дня раскола мироздания. Какая-то у нас с ним дурная манера эпично расставаться на год, ей-богу.

Раздался лязгающий звук отодвигаемой задвижки, и окошко в металлической двери открылось, являя моему взору лицо Кеса.

— Лора? — неуверенно позвал он. — А может, все-таки?..

Я на миг прикрыла глаза, мелко сотрясаясь от внутреннего гнева. Я буквально только что целых полчаса терпела этого человека и не намерена была слушать его еще хоть минуту.

Кес в последнее время прямо задался целью довести меня до ручки своей вроде заботой и попыткой «подружиться». И если до этого я еще общалась с ним вполне сносно, то после сегодняшней его фразы «тебе пора забыть про Калипсо и начать жить своей жизнью» я взбесилась так, что Кес выбежал из карцера в считанные секунды, испугавшись моей разгневанной физиономии.

— Не может!! — прорычала я, швыряя в дверь подушку.

Та с глухим звуком ударилась о дверь, ускоряя процесс закрывания окошка в ней, и тяжело упала на пол, будто весила как мешок картошки. Да, тюремные подушки — это вам не мягкая перина императорских дворцов, что поделать. А именно в тюрьме инквизиции Генерального Штаба я до сих пор и пребывала, целый

год. Периодически предпринимала отчаянные попытки сбежать. Последняя такая моя попытка неделю назад закончилась тем, что из относительно комфортабельных тюремных покоев меня перевели в карцер. Он представлял собою маленькое помещение без окон, из мебели тут была лишь кровать. Такого рода карцеры находятся в самых глубоких подвалах Генерального Штаба, меня разместили в дальней камере. Перевели сюда после того, как во время последнего неудавшегося побега я ненароком умудрилась шарахнуть молниями не только схвативших меня инквизиторов, но и тех заключенных, что сидели в соседних камерах, — мои молнии умудрились пробиться даже через стены. Так я и оказалась тут... В карцере стены были все-таки потолще, защита здесь была помощнее.

Ну и тоска зеленая здесь была пожестче, да. Хотя в моем случае тоска была уже какая-то серо-буро-малиновая в крапинку, а не просто зеленая. И никакие «посетители» меня не радовали. Некоторые друзья и родственники приходили на этой неделе, общались со мной через дурацкое окошко в тяжелой металлической двери, но этим только больше бесили, если честно. А сегодня мне «в качестве поощрения» устроили своего рода «день открытой двери», разрешая посетителям не только общаться со мной через окошко, но и пройти ко мне в камеру, если я пожелаю их впустить. Наверное, по замыслу идиотов из Верховного Совета инквизиции это должно было как-то приободрить меня, настроить на позитивный лад. Вот что-то я только никак не могла найти свой позитивный настрой... Ах да, его же и не было.

Я не хотела ни видеть, ни слышать кого-либо. Поэтому Кеса, как одного из таких сегодняшних посетителей, впустила в камеру лишь для того, чтобы в очередной раз попытаться проанализировать, как открывается и закрывается дверь, есть ли слабое звено в системе. Увы, выводы были неутешительны: из карцера у меня не было ни единого шанса на побег, магический защитный фон был непробиваемый, отключаемый только извне. Сейчас я горько жалела о том, что не являлась менталистом, который мог заколдовать кого-нибудь и заставить снять все защитные блоки со стороны коридора. Впрочем... даже если бы я была ментальным магом, то колдовать у меня бы все равно не получилось, потому что на моих запястьях красовались новые антимагические наручники, которые, по идее, должны были даже мои молнии останавливать. Пыжься, не пыжься — без толку.

Взяла в руки свежий утренний выпуск газеты, хмуро уставилась на главную полосу.

УКРОТИ МЕНЯ, или ГРАНИ ВОЗРОЖДЕНИЯ

«Монстр замечен на юге города!» — гласил заголовок.

На смазанной фотографии был изображен мужчина — платиновый блондин с длинными волосами, одетый в длинную черную мантию. Мужчина был сфотографирован издалека, полубоком, черты лица невозможно было разглядеть при таком качестве снимка и с такого ракурса. Достали меня уже эти фотографии с притянутыми за уши обвинениями в сторону Калипсо — мало ли у нас в мире волшебников с длинными белыми волосами, что ли? Еще бы Наставника издалека сфотографировали и отправили в печать с нужным заголовком. Как будто Калипсо будет сейчас разгуливать по Форланду и планировать какие-то свои темные делишки. Тьфу, бред.

Я вообще не верила, что это именно он причастен к тем жутким разрушениям, которые накрыли Форланд и все соседние страны за последний год. Кто угодно, но только не мой Калипсо, черт побери!! Не он же, да?.. Мне отчаянно хотелось в это верить... Да и сердце мое было в этом убеждено.

Перевернула страницу и оставилась на маленькую официальную фотографию Калипсо около новостной колонки с очередной дребеденью. Я медленно провела ладонью по щеке мужчины на фотографии, больше всего на свете желая прикоснуться к щеке настоящего Калипсо своей ладонью.

«Особо опасен», «Подлежит немедленному уничтожению» — эти и другие чрезвычайно позитивные подписи к фотографиям Калипсо смотрели на меня с каждой газеты, каждый божий день.

Меня уже тошнило от стабильно нервного новостного фона. Год бесконечного напряжения, скандалов и стремительно ухудшающегося самочувствия давал о себе знать. Психика трещала по швам, а нервная система требовала тотальной замены уже где-то в двадцатый раз. Не знаете, случаем, где можно приобрести новую нервную систему? Если узнаете, отправьте мне, пожалуйста, название этой дивной лекарской мастерской. Отправлять следует на адрес Генерального Штаба: прямо сюда, в эту серую убогую камеру, где я, похоже, проведу свой остаток жизни. Подыхать — так с новой и красивой нервной системой, я считаю!.. Ну и с музыкой, конечно. Куда же без нее. На моих похоронах прошу включить какую-нибудь забойную клубную музыку, чтобы собравшиеся не наматывали сопли на кулак под заунывную мелодию, а лихо отплясывали, вспоминая обо мне что-нибудь хорошее. Если после всего, что я натворила за последние месяцы, они смогут это хорошее вспомнить.

Ай, что-то из меня желчь сегодня так и сочится...

Я рассорилась со всеми, с кем только можно, наверное. Ну, вернее, я старательно пыталась скандалить с теми, кто просил меня успокоиться, не бесить лишний раз инквизиторов и заняться собой и своим магическим дисбалансом. А я была уверена в том, что без Калипсо мне бесполезно пытаться этот дисбаланс исправить. Это мог сделать только такой мастер, как Калипсо, остальные не смогли помочь за предыдущие годы, за прошедший год — не помогут и дальше, потому что им просто знаний в этой сфере не хватает. На меня смотрели с плохо скрываемым сочувствием и жалостью, и это бесило еще больше.

А еще раздражало, что никто из родственников не мог просто взять и вытащить меня из этих бесконечных тюремных отсидок. Нет, я понимала, что они просто не всемогущие и не имеют столь широких полномочий в Штабе. Понимала также, что фортемины с инквизиторами сейчас на ножах, а инквизиция принципиально не хотела идти мне навстречу. Но беситься-то мне это понимание не мешало, верно? Я — живой человек с живыми эмоциями, а мои эмоции в последние месяцы все больше напоминают эдакую бесконечно взрывающуюся бомбочку.

Дела мои были так себе... Приступы участились, и я прямо чувствовала, как из меня начинает уходить жизнь, дни мои явно клонились к закату. Но я не собиралась сдаваться и опускать руки. Я найду способ, как сбежать даже из этого карцера, клянусь. Я буду пытаться до последнего. Я буду сильной, и я не сдамся. Мне даже казалось, что чем жестче становились внешние обстоятельства, тем сильнее и непробиваемее становилась я внутри.

Дверь защелкала и заскрипела, как она всегда скрипит при открывании.

— Пошел вон, Ламарк! — прикрикнула я, даже не поднимая головы и вообще сидя спиной к выходу из камеры.

Наверняка это опять был он, а видеть я его не хотела. Как и всех остальных, впрочем. Я сейчас и на самого генерала Мэколбери с удовольствием поорала бы благим матом. Ему от этого ничего не будет, конечно, а мне вот морально немножко полегчало бы.

Но дверь издала череду коротких лязгающих звуков, и кто-то захлопнул ее изнутри, судя по приближающимся ко мне тяжелым шагам.

— Я сказала: пошел вон, Ламарк!! — рыкнула, вскакивая на ноги, разворачиваясь и замахаясь подушкой на вошедшего.

Но тут же осеклась и смутилась, даже ладонью прикрыла рот от удивления.

— Ой... — только и смогла пискнуть я.

УКРОТИ МЕНЯ, или ГРАНИ ВОЗРОЖДЕНИЯ

Это был не Кес. Совсем не он. Это был человек, которого я меньше всего ожидала увидеть здесь и сейчас.

Я попятилась от неожиданности с гулко стучащим сердцем, пытаюсь унять подступающую панику...

Вошедший тем временем одарил меня лучезарной улыбкой и произнес негромко:

— Привет, Лора. Давненько не виделись, да?

С моих уст слетел нервный смешок, потому что с отцом мы не виделись целый год. С того самого рокового дня, когда вся наша жизнь пошла под откос.

— Ну, точнее, это для тебя — давно. Для меня-то как будто пара часов по ощущениям прошла.

— Тебя вылечили, — прошептала я, сглатывая образовавшийся ком в горле. — Хвала богам, тебя вылечили!..

— Как видишь, — усмехнулся Заэль. — Сегодня утром как раз очнулся. Тебе, я так понимаю, еще не успели об этом рассказать. Решил поведать тебе эту радостную новость сам.

Лицо у него было осунувшееся, но выглядел он прекрасно для человека, который до этого дня был введен в магическую кому.

Да, то мое случайное прикосновение к отцу без перчаток оказалось роковым, и Заэль был полностью выведен из строя на такой продолжительный период. Стараниями моей мамы и моего старшего брата Эрика отец был вытянут с того света, но полное восстановление его магической Искры заняло долгие месяцы. Целый год, каждый день которого я проклинала себя за свой гребаный дисбаланс магии, за свою неосторожность и вообще за то, что я такая вот... проблемная.

Я жутко боялась, что папа погибнет по моей вине. Не знаю, как бы жила с таким грузом на душе. Так что сейчас с моих плеч от облегчения упала пара булыжников, как минимум. Хоть одной проблемой меньше...

Он смерил меня внимательным взглядом, шагнул ближе, но я шарахнулась подальше, прижимаясь спиной к стене.

— Не подходи ко мне... на всякий случай, — сказала, пряча руки за спину. — Я жутко боюсь причинить тебе вред...

— Ты в перчатках, Лори. И если не собираешься их снимать, то все в порядке.

— Скажи это тем, кто на прошлой неделе пострадал от моей вспышки гнева, — нервно усмехнулась я.

— Это другое. Ты пыталась сбежать и давала отпор инквизиторам. Логично, что тебя крыло такими эмоциями, что твоя магия выступала агрессивной защитой на твоей стороне.

— Ты что, совсем не боишься меня? — нахмурилась я.

— С чего бы? — светло улыбнулся Заэль.

— Я опасна...

— Ты говоришь это человеку, который избрал себе в качестве любимой супруги высшего демона? Твоя мама меньше всего похожа на безопасную милую и пушистую зверушку, не так ли? И, кстати, попадало мне от нее демоническими чарами не раз. Видимо, судьба у меня такая — испытывать на себе мощь своих прекрасных женщин, — усмехнулся Заэль.

Он шагнул ко мне вплотную и порывисто обнял, неожиданно крепко. Погладил по голове таким успокаивающим жестом, как всегда делал это, когда я была маленькой, и негромко произнес:

— Милая моя девочка... Совсем устала от бесконечного напряжения, да?

— Да... — только и смогла вымолвить я еле слышно.

В глазах защипало, и я быстро заморгала, прогоняя непрошеные слезы. Уткнулась лбом в плечо Заэля и какое-то время просто стояла так, позволив себе здесь и сейчас немного побыть той маленькой девочкой Лорой, какой я была в детстве. Обнимать в ответ папу сейчас боялась, так и держала руки за спиной. Он буквально силой заставил меня расцепить пальцы и все-таки взять его за руки. Точнее, он сам меня взял обеими ладонями, но я только через несколько минут смогла немного расслабиться и перестать панически ожидать опасной вспышки магии, убедившись, что полностью себя контролирую и вреда отцу сейчас не принесу.

Мы с ним уселись на кровати, так как больше никаких стульев и столов в помещении не было.

— Как мне осточертели эти темницы Генерального Штаба, ты бы знал... — пробормотала я.

— Да уж представляю. Но ни Морис, ни Эрик, ни Ильфорте не могут просто взять и приказать немедленно выпустить тебя отсюда. Они хоть и занимают довольно высокие должности в инквизиции, но, помимо них, есть куча других волшебников, которые поддерживают генерала. Генеральный Штаб является самым охраняемым объектом в Форланде с сотней защитных чар по его периметру и внутри всех помещений, на входы и выходы наложены серьезные чары... В общем, нельзя просто взять и по-быстренькому пройти мимо стражников. От твоих рук пострадало несколько человек, — негромко произнес Заэль. — И эти несколько человек, чьи магические Искры оказались очень серьезно повреждены при твоих попытках побега, дают инквизиторам полное право запереть

УКРОТИ МЕНЯ, или ГРАНИ ВОЗРОЖДЕНИЯ

тебя тут и держать до тех пор, пока твоя магия не будет взята под контроль...

— Да не хотела я причинить им вреда! Я не могу контролировать эту гребаную магию! — в сердцах сказала я. — Оно само! Что я могу сделать с тем, что эти долбаные молнии стали пробиваться даже через защитные перчатки?! Ничего я не могу сделать сама!

Если бы в помещении было хоть что-то бьющееся, я бы обязательно швырнула эту вещь в стену. Но из доступных для швыряния предметов имелась только злополучная подушка. Ее-то я и кинула снова в дверь, и подушка вновь тяжело упала на пол с глухим звуком.

— Я знаю, — мягко произнес Заэль.

— Что ты знаешь? Да что ты знаешь? — огрызнулась я. — У меня приступы стали накатывать уже почти каждый день, папа. Каждый день! Знаешь, как это больно? — я чуть не плакала от злости и бессилия. — Знаешь, как это невыносимо больно, когда тебя изнутри разрушает собственная магия, которая отчаянно рвется наружу, и сдерживать ее — бесполезно? Знаешь, как это страшно — чувствовать эту боль постоянно и знать, что жить осталось недолго?

— Догадываюсь, — грустно улыбнулся Заэль. — У меня тоже была непростая жизнь, Лора, мне пришлось пройти через множество сложностей и через разную боль. Пытали меня когда-то много и весьма изощренно, поверь. Когда однажды я был в плену у одной сбрендившей волшебницы, я испытал на себе такой спектр боли, какой многим даже в страшном сне присниться не может. Я не знаю на себе точно такой же боли, какую постоянно испытываешь ты, но, поверь мне, о боли я могу рассказать очень многое.

Я тяжело вздохнула, понуриив голову. Да, пожалуй, папа действительно мог как никто другой понять, что мне приходилось проживать во время магических приступов.

— Что мне делать, пап? Я торчу в этой ненавистной камере как распоследняя преступница, — вздохнула, закусив нижнюю губу. — А я не преступница, папа!

— Я-то знаю. Но ты являешься таковой в глазах других волшебников, — вздохнул Заэль. — От твоих действий пострадало несколько человек, основное руководство Генерального Штаба не питает к тебе теплых эмоций и весьма активно настраивает против тебя всех инквизиторов. Ты очень рьяно пыталась обороняться от инквизиторов в последний раз, и ты каждый раз пытаешься сбежать из камеры после получения помощи от лекарей...

— И буду пытаться сбежать дальше! — твердо сказала я, гневно сверкнув глазами. — Мне нужно попасть к Калипсо. Я чувствую, что нужна ему! И я не оставлю попыток побега, чего бы мне это ни стоило.

Заэль смерил меня каким-то особенно глубоким взглядом.

— Ты действительно любишь его? — тихо спросил он.

— Больше всего на свете, — ответила без промедлений. — Можешь сколько угодно пытаться промывать мне мозги на эту тему, но любить Калипсо я не перестану.

— Зачем мне промывать тебе мозги на эту тему? — Заэль удивленно вскинул брови. — Кто я такой, чтобы осуждать твой выбор и вообще как-то лезть в твою личную жизнь?

— Ну, многие другие осуждают и лезут, — горько усмехнулась я, вспоминая так взбесившие меня сегодня слова Ламарка про то, что «ты достойна лучшего».

— Ну, это точно не про меня, — хмыкнул Заэль.

Он помолчал какое-то время, потом продолжил с кривой усмешкой:

— Когда-то нам с твоей мамой здорово досталось. Все и все было против нас... Ангел и высший демон — немыслимый тандем! Наши отношения были под строгим запретом... Под самым жестким табу, какое только можно себе представить в волшебном мире. Нас упорно пытались уничтожить, причем как с демонической стороны, так и со стороны поднебесных воинов. А я... ничего не мог с собой поделать. Я просто хотел любить Эльзу, без всяких там ярлыков, ограничений... И я предпринимал самые отчаянные шаги во имя нашего совместного счастья. Просто хотел любить...

Последнюю фразу он произнес шепотом и замолк на какое-то время, уставившись в одну точку перед собой, словно бы уйдя внутрь себя, в свои воспоминания.

— Поэтому кому, как не мне, понимать тебя, Лора? Как я могу осуждать твои чувства, если сам когда-то в лепешку разбивался ради того, чтобы у нас с твоей мамой было счастливое будущее? Мы его выстрадали, это свое счастье. Шли наперекор всем, лишь бы быть вместе...

— Я тоже хочу просто любить, — прошептала, быстро моргая, чтобы прогнать предательские слезы. — Меня пытаются «образумить» и наставить на путь истинный... Говорят, что я должна забыть Калипсо, что его навсегда поглотил Эффу, что он никогда не будет прежним и мне нужно с этим смириться и начать жить своей жизнью... А я не верю во все это. И не верю, что Калипсо сейчас — такой монстр, каким пытаются его представить журнали-

УКРОТИ МЕНЯ, или ГРАНИ ВОЗРОЖДЕНИЯ

сты и инквизиторы, поддерживающие генерала, — с омерзением кивнула на валяющуюся на полу газету с кричащими заголовками, по которой я уже успела от души потоптаться.

Заэль смерил меня тяжелым взглядом. Сказал:

— Не знаю, кто по-настоящему стоит за всеми событиями, которые сейчас происходят в мире. Многие убеждены, что это Калипсо Брандт съехал с катушек на почве поглощения его сознания первородным духом хаоса, что он готовит непобедимую армию, что нам всем скоро придет конец, и бла-бла. Но я вижу в этой теории слишком много дыр, поэтому предпочитаю придерживаться презумпции невиновности, пока не будет доказано иное. Генерал Мэколбери нарочно раскачивает в обществе воинственное настроение, подначивает, говорит, что это Брандт-младший своей коварной магией притягивает к себе инквизиторов, подавляет их волю... Я этому не верю. Я не сомневаюсь в том, что все, кто ушел за Теневую пелену, ушли туда добровольно... Так же, как это год назад сделала Агата на наших глазах. Да и... Я очень уважаю Калипсо. То, что он тогда сделал ради тебя, ради твоего спасения, когда ты подвергалась атаке лергала и была в шаге от гибели, — это многое говорит о Калипсо и о его отношении к тебе.

Я шмыгнула носом и кивнула, благодарная отцу за то, что он разделяет мое мнение и не считает Калипсо извергом, который насильно притягивает к себе тех или иных магов.

Первыми за Теневую пелену ушли братья ди Верн-Родингеры. Они ушли на следующий же день после тех событий прошлогодней давности. Дэйон и Дельсон не стали ни с кем прощаться, не стали ничего объяснять и кого-то предупреждать о своем уходе — они просто молча ушли вслед за Калипсо, за своим лучшим другом. С тех пор их никто не видел и не слышал. Как и Агату, которая ушла тогда вместе с Калипсо. Как и всех тех фортеминов, которые ранее были отобраны в отдельную учебную группу под руководством Калипсо, но которые не успели толком позаниматься с ним перед срывом Печати Мироздания. Миа, Патрисия, Грей, Полли и остальные... Все они в течение нескольких дней покинули Армариллис и с тех пор ни разу не вышли на связь. Ушли тихо, молча, не привлекая к себе внимания.

А, пожалуй, громко уходила только Маргарита, она рассорилась со своим отцом на эту тему. Ну как же: дочь аристократа смеет запятнать репутацию семьи, связавшись с каким-то «темным отродьем», по выражению отца Маргариты. Он не хотел пускать свою дочь, пытался запретить ее дома... Но Маргарита дала весьма яростный отпор собственному же отцу, отбилась от всех

слуг и заявила, что раз ее не принимают в семье такой, какая она есть, то могут отречься от нее, как от «куска темного отродья». Это было весьма неожиданно слышать от пафосной Маргариты, аристократки, которая всегда кичилась своим происхождением и всячески его выпячивала, хвастаясь связями в высшем кругу общества магов Искандера. А тут вот вдруг резко стала мыслить и действовать иначе... В связи с чем, конечно, отец Маргариты сразу же заподозрил ее в том, что она подчинена сбрендившему Калипсо и просто пляшет под его дудку.

А я не сомневалась в том, что Маргарита ушла по своей воле... Она не была никем околдована, просто все события, начиная со дня раскола мироздания, заставляли всех нас пересматривать жизненные ценности и отстаивать свою точку зрения. В тот день не только раскололось мироздание, но и «раскололось» общество, и между фортеминами и обычными волшебниками возникло нехилое такое напряжение. Да и среди простых мирных граждан бродили смешанные настроения: кто-то требовал «немедленно найти и уничтожить монстра», другие же высказывали сомнения насчет того, кто тут вообще является монстром.

Единогое настроения в обществе не было, и это только подливало масло в огонь творящихся в стране беспорядков. Разрушительные смерчи, явно магического происхождения, которые периодически прокатывались по тому или иному городу, приписывали «монстру» Калипсо. Хотя никто ни разу не видел, чтобы эти ужасные смерчи, унесшие так много жизней, создавал именно Калипсо. Просто смерчи были яркого фиолетового цвета, цвета магии первородного духа хаоса Эффу, вот и вся логика. Но я не верила, что это Калипсо стоял за смертоносными стихийными явлениями и за теми жуткими землетрясениями, которые разрушили в ноль несколько храмов и прилежащих к ним районов в стране. Кто угодно, но только не он, черт возьми!..

Наставник не пытался сдерживать уходящих фортеминов и как-то пресекать их попытки уйти. Не знаю, что творилось при этом у него в душе, внешне он никак не комментировал уход своих подопечных. Лишь сухо констатировал факт ухода, и все на этом. Ну, сама я всего этого не видела, но мне рассказывали об этом Эрик и Кес.

В течение года туда, за Теневую пелену, ушли также и некоторые инквизиторы. Никого из них я не знала и ни разу с ними не пересекалась, но мне рассказывали, что все они были темными магами. Общей сложностью на Теневую сторону — так называли в народе это место — в течение года ушло около сотни человек,

УКРОТИ МЕНЯ, или ГРАНИ ВОЗРОЖДЕНИЯ

инквизиторов и фортеминов вместе взятых. В Форланде всю трубили о том, что Калипсо готовит теневою армию магов, но я считала это дикой чушью.

Можете считать меня полной влюбленной душой, но я в упор не верила, что Калипсо замыслил что-то плохое против жителей Форланда. Также я не верила, что разрушительные смерчи и периодические землетрясения были делами его рук. Сейчас всю дичь приписывали Калипсо, а я скорее думала, что за всем этим стояло то странное существо, которое вскрыло Печать Мироздания. До сих пор было неизвестно, кто это или что это и откуда оно пришло, никаких его следов найдено не было. Но я не сомневалась: оно еще в Форланде. Да только затаилось в ожидании чего-то.

Все это я знаю лишь по рассказам, конечно, да и вот из газетных вырезок, например. В Армариллисе так и не появилась за все это время, никто меня не выпускал из Генерального Штаба, за пределы которого я так и не смогла выйти. Поначалу меня отвели просто в лечебницу инквизиции, где ко мне приставили лекарей. Но после нескольких моих попыток сбежать, одна из которых чуть не увенчалась успехом, меня перевели в темницы, и солнце с тех пор я видела только через решетчатое окно под потолком.

Я знала, что Морис, работающий тут в инквизиции, пытался повлиять на то, чтобы меня выпустили из Генерального Штаба и хотя бы перевели на строгий домашний режим, но, увы, не все было подвластно Морису. Слишком много инквизиторов ополчилось против меня и настаивало на абсолютной изоляции как «особо опасного объекта» до полного моего излечения. Вот только в этой бесконечной тьме даже просвета видно не было... Ну а самому Морису приходилось сдерживаться, чтобы не перегибать палку и остаться на своей должности. Ему следовало тонко лавировать меж двух огней, чтобы к нему продолжали прислушиваться в Штабе, и это была та еще непростая задачка.

— Сегодня на улице паршивая погода, — ни с того ни с сего произнес Заэль, мягко поглаживая мои ладони и заглядывая мне в глаза. — И руководящий состав инквизиции озабочен очередным смерчем, появившимся на востоке города. В той стороне сейчас находятся основные боевые единицы инквизиции. На улице дождь, слякоть... Мрачная красота накрыла Форланд.

— К чему ты это говоришь? — устало вздохнула я.

— Как насчет небольшой прогулки под дождем? Мне кажется, она тебя весьма освежит.

— Издеваешься? — фыркнула я. — Меня почти год на улице не выпускали, а сейчас вообще в карцер посадили, о чем ты?